

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Зиянгирова Руслана Олеговича
«Конкорданс произведений С.Т. Аксакова: актуальные контексты изучения»
Специальность 10.01.01 — русская литература
(Екатеринбург 2016)

Соискатель своим исследованием привносит очень важный вклад в создание национальной программы внедрения информационных ресурсов в сферу культурного наследия («Rossica»). В рамках этой программы необходимы коллективные усилия, и такому специалисту, как Р.О. Зиянгиров, здесь «и карты в руки». И он успешно реализует свою квалификацию при разработке конкорданса произведений С.Т. Аксакова, что является частью «регионального проекта, нацеленного на создание электронного научного издания («ЭНИ С.Т. Аксаков»» (с.5). Поэтому представленная на защиту диссертация в полной мере актуальна и отличается безусловной новизной.

Актуальность работы Р.О. Зиянгирова обусловлена также и тем, что перед нами один из ярких примеров продуктивного исследования междисциплинарного характера. Несмотря на бытующие до сих пор случаи предубеждения к подобного рода «симбиозам», совмещение достижений смежных дисциплин – один из несомненных трендов в большой науке.

Соискатель избирает сочетание средств литературоведения, прикладной лингвистики и компьютерных технологий. При этом он указывает, что «главная направленность исследования обусловлена постановкой и решением собственно литературоведческих задач» (с.3). Это оправдано двумя ключевыми задачами в диссертации: представить филологическое описание разработанного конкорданса; выявить и рассмотреть актуальные контексты изучения жизни и творчества С.Т. Аксакова.

Итак, достоверность и новизна диссертационного исследования не подлежат сомнению. Р.О. Зиянгиров, во-первых, разработал с использованием новейших информационных технологий полноценный конкорданс произведений С.Т. Аксакова; во-вторых, на его основе соискатель осуществил филологический анализ текстов писателя в двух аспектах – «охотничьем» и «гендерно-семейном».

Практическое значение исследования вообще трудно переоценить. Без использования разработанного соискателем конкорданса в качестве

прикладного средства литературоведческого анализа едва ли теперь обойдется любое серьезное исследование творчества С.Т. Аксакова.

Но, возвращаясь к междисциплинарному характеру исследования, хочется сказать о соблюдении баланса при распределении внимания к тем или иным вопросам. В диссертации Р.О. Зиянгирова этот баланс несколько нарушен, что отражается и в постраничном объеме глав и параграфов. Например, первая глава посвящена своеобразной «истории вопроса» (с.11-55), представляя собой своего рода «пролегомены» ко всему последующему изложению.

Итак, в 1-м § рассмотрены вопросы программирования, а затем дано описание ряда уже имеющихся и востребованных в науке информационных систем. При этом несколько страниц уделено структуре ФЭБ-а – хорошо знакомой всем практикующим литературоведам. Во 2-м § изложены суждения разных исследователей о значимости ИТ-технологий для литературоведения. Всё это, видимо, для самого соискателя весьма интересно и поучительно, – но насколько целесообразно и экономично для его собственного исследования творчества Аксакова? Вот, например, очень интересная и важная тема разрабатывается во 3 главе («Гендерный контекст «Семейной хроники С.Т. Аксакова») – в 2 параграфах и всего на 20 страницах (ср. с объемом 1 главы). То есть две чисто литературоведческие главы, 2-я и 3-я, очень убедительны, но напрашиваются на расширение. Так, во 2 главе раскрывается типология и национальная философия охоты в многозначном ее значении; определяется аксиологическая иерархия «охот» разного рода. Представлена и типология образов охотников. Всё это опирается на широкий контекст аксаковского творчества. Но соискатель, зная цену и более широкому, историко-литературному контексту, привлекает его, на наш взгляд, не в полной мере.

Например, цитируется П.В. Анненков, сопоставлявший «язык охоты» у Л.Н. Толстого и у С.Т. Аксакова – и конечно, в пользу последнего: «...слог С.Т. Аксакова может быть признан образцовым «по правильности, чисто русскому складу, народному ритму и музыкальности» (с. 89). Но П.В. Анненков судит об описании охоты у Толстого в 1865 году, то есть лишь на примере повести «Детство», где охота дана через восприятие ребенка. Между тем, у Толстого философия охоты, ее аксиология, психология и типология охотников глубоко и тонко представлены в «Казаках» (Нехлюдов и Ерошка), в «Войне и мире», в «Анне Карениной» (Левин).

В другом случае соискатель приводит доброжелательное высказывание И.С. Тургенева о «Записках ружейного охотника» (с. 59) – и этим довольствуется. Здесь уместно было бы сопоставить художественные

концепции С. Аксакова и Тургенева, касающиеся «охоты» и поведения «охотника». У Тургенева важно (что отмечал уже Белинский), что сама роль и позиция *охотника* дает ему преимущества естественного взгляда на жизнь и на людей. Это человек – беспристрастный (тогда как у аксаковского охотника, по моему разумению, – несколько иные инстинкты). Отчасти размышлял это различие С.П. Шевырев, когда писал, что охота сблизила С.Т. Аксакова с земледельцами и помогла «по своему образу мыслей спуститься, а по нашему взойти до Русской земли и до Русского народа» (с.61). Такое можно бы сказать и о Тургеневе. Но это звучит слишком уж отвлеченно.

Не хочется мне соглашаться и с таким утверждением соискателя: «Только в такой, «на равных», охоте человек приобщается к природе, уходит в ее мир» (с.63). Это с ружьем-то «на равных?..». Псовая охота (от которой отказался С.Т. Аксаков) по жизненной логике содержит в себе больше естественности. Потому что при этом животные – пусть и не на равных – сталкиваются с животными, а охотник «ставит точку» не пулей, а кинжалом или ножом (см. «Войну и мир»), потому что у волка или кабана тоже есть клыки.

Что касается 3-й главы, то и здесь наличный материал диссертации очень убедителен, однако нельзя сказать, что самодостаточен, – его вполне можно было бы пополнить. Очень весомо выглядит следующее суждение: «Проведенный с привлечением конкорданса анализ текста показывает, что матриархальный уклон в изображении семейной жизни Багровых становится все более заметным к концу произведения, свидетельствуя о несомненной эволюции их родового уклада» (с.117). Здесь уместно было бы сопоставить аксаковский материал, например, с финалом «Войны и мира»: уклады в семьях Ростовых (Николай и Марья) и Безуховых (Пьер и Наташа). Там ведь тоже – подвижки в сторону матриархата. Многое дал бы в этом аспекте и сопоставительный анализ с романом И.А. Гончарова «Обрыв» (только там, быть может, примечательна обратная тенденция, эволюция от матриархата Татьяны Бережковой – к потенциальному патриархату Тушина).

Я не имею в виду необходимость полноценных сопоставительных анализов. Это, быть может, неподъемно и вообще необязательно. Достаточно было бы привлечь чужие наблюдения на соответствующие темы по поводу Тургенева, Толстого, Гончарова. Тем более, что когда речь идет об С.Т. Аксакове, Р.О. Зиянгиров достаточно тактично сторонний научный материал умеет привлекать. За счет, например, той же 1-й главы на страницах 8-10-15-ти необходимый историко-литературный контекст в более-менее полноценном виде можно было бы развернуть, притом безо всяких дополнительных личных изысканий.

Теперь сделаю ряд формальных замечаний. В качестве упрека можно указать на неоднократные смысловые (даже до буквальных) повторы в тексте. Например: «Слова «охотник» – «охота» – «разные охоты», вынесенные в название, или используемые в авторских отступлениях, приобретают ключевое значение» (с.75) – подобное встречается неоднократно.

Заключение во многом, порой дословно, повторяет то, что уже сказано в выводах по главам и параграфам. Между тем, здесь уместны, конечно, не столько повторяющиеся «выводы», сколько обобщающие итоги и, например, перспективы. В числе последних могло бы значиться и расширение историко-литературного контекста – за счет не только первой главы, но и Приложения (20 стр.).

Одно из утверждений в Заключении выглядит как явное «преувеличение от увлечения»: «...со всей определенностью можно сказать, что в русской литературе XIX века аксаковский образ охоты наиболее многогранный и емкий по сравнению с другими индивидуально-художественными вариантами его воплощения» (с.128). То есть опять незаслуженно отодвинут на второй план Л.Толстой.

Последний абзац Заключения как будто действительно обозначает широкий контекст, но лишь номинативно. Хотелось бы видеть соответствующий материал в главах диссертации более развернутым. Кроме того, называть здесь (в Заключении) «С.Т. Аксакова подлинным основателем классической традиции русского семейного романа» (с.129) – это все-таки натяжка. Точнее было бы обозначить его как «первопроходца», а упоминаемые при этом Л. Толстой, Достоевский и др. явно «пошли дальше» и разработали обозначенную тему шире и глубже. И сделали они это, пожалуй, безо всякой видимой ориентации на С.Аксакова.

Возможные вопросы вполне различимы в высказанных мною замечаниях, но и прямые вопросы также возможны. Так, начальная часть Приложения достаточно информативна. Здесь может заинтересовать «основная идея алгоритма программы «Элементарный лемматизатор»». Согласно этому алгоритму, «Если величина общей части слов не ниже порогового значения, то рассматриваемые слова считаются родственными» (с.153). Но родство какого рода? Как быть со значениями слов? Учитывается, например, «число совпавших букв в этих словах» и «процент совпавших букв в этих словах». Но ведь есть такие языковые явления, как омонимы, омофоны, омографы и т.д. Здесь по цифровым алгоритмам будет почти полное совпадение, а по значению – полный разницей. Между тем, русская литература (такова наша научная специальность) привержена игре разными

языковыми возможностями, в том числе упомянутыми выше.

Соискатель, разумеется, предусмотрел это с самого начала. Он пишет: «Лексические омонимы не разведены в разные словарные статьи (пользователь по контекстам легко может сделать это самостоятельно)» (с.34-35). Но всё же вопрос: возможны ли какие-либо дополнительные модули, алгоритмы или процедуры, которые могли бы автоматизировать сопоставительный анализ контекстов, чтобы не по-старинке соображать: что сие слово значит? И соответственно разводить те же омонимы и прочее – по разным рубрикам или словарным статьям. Ведь если «задачи синтаксического и особенно семантического анализа решены далеко не в полной мере» (с.13), то подобные задачи все-таки должны стимулировать науку? Но это вопросы от некомпетентного – к компетентному. Нет – так нет, будем всматриваться в контексты сами.

Вопреки высказанным замечаниям, впечатление у меня от диссертации Р.О. Зиянгирова сложилось самое положительное. То, что он увидел и пояснил у С.Т. Аксакова, – в научном отношении весьма значимо. Тем более то, что соискатель сделал для науки, разработав свой конкорданс, – вообще трудно переоценить.

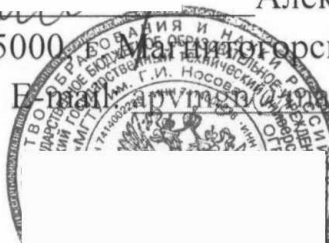
Все вышесказанное означает, что диссертация Р.О. Зиянгирова «Конкорданс произведений С.Т. Аксакова: актуальные контексты изучения» представляет собой самостоятельное, ценное в научном смысле исследование, полностью отвечающее требованиям, изложенным в пункте 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней».

Р.О. Зиянгиров заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук (10.01.01 – русская литература),
профессор кафедры литературы Института истории,
филологии и иностранных языков Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова»

12.08.2016

Александр Петрович Власкин
455000 Магнитогорск, пр. Ленина, 38, ауд. 248.
E-mail: apv@mgtu.ru Тел.: 85

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
Начальник отдела делопроизводства
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»

Т.В. Бондаренко